

СЕРИЯ 6. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Философско-этический подход к собственности в русской философии конца XIX-начала XX вв.

к.ф.н. доц. Баркова И.Н.

Университет машиностроения

8 (499) 267-16-40, barkova.in@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория собственности, которая в русской философии была осознана как нравственная ценность.

Ключевые слова: личность, собственность, нравственная ценность

Примечательным явлением в истории России конца XX века стало второе пришествие либерализма после семидесятилетнего изгнания его из духовной жизни общества. Воспринятый у нас вначале в качестве дополнения к проекту “социализма с человеческим лицом”, либерализм затем обрел самостоятельность, стал знаменем демократических сил и помог им в 1991 году мирным путем взять в свои руки политическую власть в стране. Но через год после провозглашения начала либеральных реформ широкие массы разочаровались и в них, и в своих прежних политических кумирах. Если западный либерализм пустил глубокие корни в сознании западного человека и опирается на многовековые традиции экономической и политической свободы, то в России либерально-демократическая идеология “повисает в воздухе”. Необходим тщательный философский анализ как самой этой идеологии, так и особенностей менталитета, сформированного всей Российской историей.

Одним из ключевых понятий концепции либерализма является понятие собственности, которое имеет не только прагматическое, экономическое, но и ценностно-этическое содержание. Институт собственности закрепляет неотъемлемые права человека и сам является одним из важнейших прав. Продолжением права собственности индивида на самого себя является собственность на внешние по отношению к нему предметы, собственность, гарантирующая безопасность, стабильность положения, достоинство личности и устойчивость общественного порядка. В данной статье собственность будет рассмотрена как форма устройства социального и индивидуального бытия и одновременно как способ осмысления и оценки действительности с позиций общественного идеала. В центре внимания будут весьма актуальные сейчас размышления русских мыслителей конца XIX - первой половины XX вв. над судьбами своей страны, их попытки обосновать либерально-демократические идеи и привить их на русской почве.

Еще в классической философии Запада понятие собственности выступало как средство восприятия и оценки мира. Так, Кант определяет собственность как условие человеческой свободы, а Фихте называет людей собственниками самих себя. Становление открытого общества началось тогда, когда прибавочный продукт превратил собственность из условия существования в мире необходимости в условие человеческой свободы. В хозяйственной и духовной сфере бытия творчество и свобода соединились для самосозидания и саморасширения. Основанная на неприятии этого стремления духа формула Прудона “собственность есть кража” с течением времени все сильнее отрицает творимую человеком реальность и способствует разрушению общества.

В России не сложился уклад, базирующийся на частной собственности. В условиях аграрной цивилизации в течение веков, предшествующих освобождению крестьян, вместо понятия крестьянской собственности господствовало понятие общинной земли и крестьянского надела. Институт собственности не сделался привычкой, не стал прочным регулирующим

началом жизни народных масс. Как отмечал государствовед, общественный деятель, историк-публицист Б.Н. Чичерин, собственность есть краеугольный камень всего гражданского порядка. Как бы ни усложнялись общественные отношения, они все-таки исходят из лица и возвращаются к лицу. В нем заключается цель всего общественного устройства. “Основание и назначение собственности, – указывает Чичерин, – лежит в отдельной личности, а так как государство не создает личности и не имеет права ее уничтожать, то оно не создает и собственности и не имеет права уничтожать собственность” [7, с. 114]. В собственности частное лицо находит и точку опоры, и орудия, и цель своей деятельности. Чем тверже эти точки опоры, тем вернее те отношения, в которые вступает человек с другими людьми, тем крепче и основанный на этих отношениях порядок. Именно прочность собственности составляет первую потребность гражданского быта. Наоборот, все, что колеблет собственность, продолжает Б.Н. Чичерин, подрывает самые основы гражданского порядка. Человек чувствует, что посягают на весь его личный мир, на его свободу, на его деятельность, на его семью, на все, что ему дорого, на его прошедшее и будущее. Чичерин пишет: “Свободная собственность при свободном труде составляет идеал всякого гражданского быта. Посягать на эти начала – значит подрывать свободу в самом ее корне, уничтожать фундамент великого здания, воздвигнутого человечеством” [7, с. 116]. Из этого можно видеть, резюмирует Б.Н. Чичерин, какой вред приносят учения, подрывающие основания собственности, и жизнь всегда будет представлять им надежный отпор.

Известный мыслитель России рассматриваемого периода Ф.А. Степун обратил внимание на влияние исторических и географических факторов на отношение русского человека к труду и собственности. Постоянное движение Российской империи вширь определило не только стиль русского земельного хозяйствования, но и стиль всякого русского делания, творчества. По словам Степуна, “читая любую русскую историю, получаешь впечатление, что русский народ не столько завоевывал землю, сколько без боя забирал ее в плен” [4, с.335]. Труд, положенный русским народом на создание Державы, был огромен, но все же не был тем, что под словом “труд” понимает Европа, что под ним понимаем сегодня уже и мы. Он не был упорной, длительной работой, систематическим преодолением сопротивления материала специально изобретенными для того средствами. Постоянный колонизационный разлив России, преумножение плодородных равнин, которые приходилось наспех заселять и засеивать, лишал русский народ не только необходимости, но и возможности заботливого и тщательного труда на земле. Кое-как бередили все новую и новую целину и двигались дальше: “Так столетиями создавался в России стиль малокультурного, варварского хозяйствования, психология безлюбивого отношения к любимой земле, ощущение в качестве землекормилицы не столько собственной земли под сохой, сколько земли за чертой своей собственности” [4, с. 336].

Тяга к земле на горизонте характерна для крепостного сознания. После отмены крепостного права вплоть до 1917 года преобладало общинное землевладение, в деревне только начал складываться класс мелких собственников-фермеров. Революция пообещала наделить крестьян землей, но не дала им собственность. Трагедия русской истории и русского крестьянства состоит в том, что предмет мечтаний и всегдашних вожделий крестьянина - земля до сих пор не обратилась для него в подлинную и крепкую собственность. Если бы русские крестьяне превратились в просвещенных собственников и культурных фермеров, то и русская революция прошла бы, возможно, много спокойнее, без эксцессов. “Комбинация социализма образованных классов и отсутствие духа собственности в крестьянских массах, - пишет П.Б. Струве, - создала ту духовную атмосферу, в которой протекла русская революция” [5, с.262]. Институт собственности был беззащитен с двух сторон: от него духовно отреклась интеллигенция и к нему еще не пришли народные массы. Поэтому революция в России, обращенная против собственности как помещичьей, буржуазной, так и крестьянской, не встретила стойкого и сознательного сопротивления.

Эту мысль продолжает С.Л. Франк. Он указывает на то, что частная собственность в

России была сметена вихрем социалистической революции почти без сопротивления. Он видит причину этого в том, "... что слишком слаба была вера в правду частной собственности, и сами ограбляемые собственники ... в глубине души не верили в свое право, не сознавали его «священности», не чувствовали своей обязанности его защищать ...» [6, с.311]. Далее Франк отмечает: "То, что выяснилось с полной очевидностью на злосчастном русском эксперименте, есть собственно элементарная экономическая необходимость частной собственности и гибельность принудительной социализации" [6, с.310]. Социалистический эксперимент, делает вывод философ, жизненно доказал необходимость строя, основанного на частной собственности, и эта жизненная очевидность превышает всякой теории и всяких доказательств. Этому факту есть объяснение, так как личная корысть собственника есть достаточно сильный двигатель для производительной и хозяйственно-организационной деятельности. "Пусть каждый думает о своей личной выгоде и имеет уверенность, что ему никто не помешает насладиться плодами его работы – и работа закипит, и все будут ... более сыты и довольны, чем когда государство принудительно заставляет каждого трудиться только для общего блага" [6, с.310]. Но нельзя забывать, что система абсолютной свободы собственности ведет к несправедливости и хозяйственным бедствиям (и так уже было в европейских государствах). Поэтому автор предлагает перейти к системе ее ограничения в многообразном социальном законодательстве.

П.Б. Струве, возвращаясь к итогам октябрьской революции, отмечает, что неверно утверждать, будто революция покончила с феодальным строем, так как он к этому времени был уже разрушен. В 1917 году сметена была только частная собственность, в том числе крестьянская, которая создавалась в ходе alexandrovских и stolyпинских реформ. "Ни те условия русского аграрного строя, которые предшествовали революции, ни содержание ее не уполномочивают нас отождествлять ее с падением феодально-крепостного строя. Тот аграрный строй, который существовал в России до революции, не имеет ничего общего с феодализмом...", - пишет Струве, и далее "... если аграрная революция была последней судорогой общинно-крепостной России, то судорога эта ударила не по феодализму», которого к этому времени уже не существовало, а по тем «элементам и росткам общей собственности, которую создало все предшествующее историческое развитие» [5, с.263]. Нашим лозунгом, продолжает П.Б. Струве, должны стать два слова, поставленные рядом: отечество и собственность, "ибо без собственности, разлитой в народных массах, собственности, ощущение которой перешло, так сказать, в их плоть и кровь, у них не может быть ни отечества как крова, под который они могут всегда укрыться и который они готовы защищать до последнего, то есть того, что мы называем великим патриотизмом" [5, с.267].

Если Струве видит нравственный смысл собственности в укреплении патриотизма, а Чичерин в ее правовом аспекте, то Ильин обращает внимание на ее роль в развитии духовности личности. Для материалиста, рассуждает И.А. Ильин, человек не духовное, а телесное существо. Он состоит из тела и его потребностей, это рабоче-мускульный центр, зависимый объект, подвластный распоряжениям сверху. Поэтому имущественная независимость ему не нужна, она создает лишь своеволие, беспорядок, эксплуатацию человека человеком. В силу этого частная собственность должна быть упразднена. Но то ложный путь, так как он отвергает личное начало, стремится угасить частное мнение и миропонимание. Это ложный путь, так как он гасит личную заинтересованность и личную инициативу человека на всех путях его творчества.

Если же признать человека духовным творческим существом, то его жизнь есть таинственный внутренний процесс самостроительства и самоутверждения. Субъект творчества нуждается в свободе и заслуживает ее, а свободу ему может гарантировать частная собственность: "... подобает ли этому творческому духовному центру иметь на земле некое прочное, вещественное гнездо, предоставленное ему и обеспеченное за ним, - гнездо его жизни, его любви, деторождения, труда и свободной инициативы?" [2, с.271].

И.А. Ильин поднимает вопрос о необходимости нравственного обоснования частной

собственности, он указывает на те фундаментальные духовные свойства человека, в силу которых частную собственность нужно принять, утвердить и оградить. По мнению Ильина, не следует смешивать признание частной собственности с распределением имущества и богатства, с противоправной национализацией частной собственности. Идея частной собственности не выдумана лукавыми и жадными искателями наживы. Чтобы жить, человек должен приспособлять окружающие вещи к своим потребностям, совершенствовать их, вкладывать в них себя, свои мысли, чувства, стремления. Эти вещи вокруг него должны превратиться в объективное продолжение его собственной личности. Действуя и хозяйствуя, человек способен сродниться с вещью, ввести ее в орбиту своего бытия.

Сходную позицию можно обнаружить и в работах Н. Бердяева, который рассматривает нравственно-освободительное значение собственности в контексте критики социализма. Если собственность становится орудием корысти, наживы, угнетения ближних, пишет Бердяев, то это духовно разрушает ее, готовится почва для ее социалистического отрицания. “Социализм обобществляет собственность и все предметы материального мира, потому что он не допускает духовной ценности и никакого нравственного смысла в индивидуальном отношении человеческого лица к предметам материального мира, к природе” [1, с.697-698]. Для социалистического сознания все хозяйственные акты совершенно бездушны, не освящены, утилитарны, определяются голыми интересами, и потому в них не может быть закреплено ничто духовно ценное и нравственно осмысленное. Согласно Н. Бердяеву, собственность связана с духовным началом в человеке. Она предполагает не только потребление материальных благ, но и устойчивую в нравственном отношении, преемственную жизнь личности в семье и роде. Связь лица с собственностью одухотворяет его отношение к материальной природе: “Частная собственность на землю делает возможной любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений” [1, с.699].

Своему саду, дому, делу мы отдаем не только труд и время, дорабатываясь до усталости, но и творчество, воображение, вдохновение, “... человек связывается с вещами не только “материальным” интересом, но и волею к совершенству, и творчеством, и любовью” [2, с.279]. Ошибочно думать, что хозяйственный процесс слагается из жадности и тягостного физического труда. Человеку просто необходимо вкладывать свою жизнь в жизнь вещей, в этом и состоит сущность хозяйственно-творческого процесса. Поэтому собственность должна ограждаться законами и политической властью. Государственное принуждение к труду и противоестественная добродетель лишенных собственного имущества никогда не станут творческой формой жизни общества. Исключив из хозяйственного процесса начало самостоятельности, личный интерес, духовную свободу, мы получаем безразличие к “ничейной” собственности и нерадивость, массовый эгоизм и расточительность, безответственность и развал экономики. Вот почему практика социализма в XX веке не подорвала идею частной собственности, а реабилитировала ее, “... т.е. способы владения и распоряжения вещами, которые подавляют человеческий инстинкт, застрашивают его, обессиливают или как бы кастрируют, - осуждены с самого начала и лишены будущего” [2, с.281].

Разумеется, рыночное общество имеет свои проблемы. Однако эксплуатация, социальное расслоение, стагнация производства не преодолеваются отменой частной собственности: “... коммунизм создает государственный капитализм, - пишет И.А. Ильин, - небывалое порабощение и нищету, вызывает к жизни новую анархию производства, углубляет чувства зависти и мести, усиливает классовую борьбу и доводит до высшей беззастенчивости эксплуатацию трудящегося человека” [2, с.283]. Социальные проблемы можно решить не путем ликвидации частной собственности. И.А. Ильин видит выход в том, “... чтобы сочетать строй частной собственности с “социальным” настроением души: свободное хозяйство с организованной братской справедливостью”. Частная собственность связана со свободой и властью, правами и нравственными обязательствами. “Только сильный и духовно воспитанный дух

сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создать на ее основании цветущее социальное хозяйство” [2, с.287].

Франк продолжает эту мысль, указывая на нравственную ценность начала частной собственности, которая, по его утверждению, заключается в ограничении индивидуальных притязаний и признании правомерности чужих притязаний. “... Нравственное, а потому и культурно-воспитательное и историческое значение института частной собственности состоит не в том, что он санкционирует личную корысть, а в том, что он, напротив, ее обуздывает...” [6, с.314]. То есть обязанность индивида не нарушать чужого достояния и уважать чужое право, сознавать незыблемость своих обязанностей в отношении других. Именно так нравственная ценность института частной собственности выражена в библейских заповедях. Нигде не сказано: “Береги свое, не допускай к нему ближнего твоего”, а сказано: “не укради” и “не желай дома ближнего твоего и ничего, что у ближнего твоего”.

Таким образом, нравственный смысл частной собственности русские мыслители видели в следующем:

1. Частная собственность соответствует росту индивидуальности как социокультурному процессу. Она удовлетворяет имманентное стремление человека к самостоятельности и самостоятельности.
2. Собственность дает своему владельцу чувство уверенности, желание вложить в хозяйственный процесс свой труд и свои таланты.
3. Она стимулирует хозяйственную предприимчивость и личную инициативу, укрепляя характер. Возникают побуждения и духовные мотивы для того, чтобы улучшить качество произведенных продуктов.
4. Она единит семью, закрепляет оседлость, питает государственный “инстинкт” человека. Побуждает человека творчески любить труд и землю, свой дом и Родину.
5. Благодаря ей человек воспитывается в духе хозяйственной солидарности, которая не нарушает его хозяйственную свободу.
6. Частная собственность воспитывает в индивиде правосознание, научая его строго различать и соблюдать “мое” и “твое”, возвращая в нем верное чувство гражданского порядка.
7. Она закрепляет обязанность человека не нарушать чужое достояние и незыблемость своих притязаний сочетать с незыблемостью чужих прав.

Итак, для мыслителей серебряного века собственность есть гарантия свободы и социального статуса личности, это основа личностного разнообразия в социальной общности. Люди, живущие в мире обобществленных, ничейных вещей, личностями не являются. В либеральном обществе собственность выявляет свою главную функцию; она “собирает” человека и мир вокруг него в целостное единство осмысленного существования. Сохранение за гражданином его достояния есть защита достоинства личности, ее права на свободу, творчество и красоту обживаемого мира.

Сегодня, в XXI веке, всё больше осознаётся необходимость нравственно-гуманистической ориентации общества. Так сложилось, что в системе российского образования упор делается на формирование знаний, умений и навыков и вне поля зрения остаётся развитие личности. А это означает, что культивируется знаниево-ориентированный подход к содержанию образования. Но жизнь показывает, что сам по себе уровень знаний не гарантирует высокого сознания. Нужна мировоззренческая и нравственная ориентация знаний, т.е. необходимо органическое соединение обучения с развитием нравственной и творческой личности, ясно осознающей себя и своё место в обществе. В настоящее время должна произойти смена парадигмы образования на личностно-ориентированную модель, построенную на принципах ценности человека и его личности. В числе приоритетных задач должны быть “воспитание человека просвещённого, гуманного, духовно богатого, высоконравственного, любящего свою Родину, свой народ, с уважением относящегося к истории страны и её традициям” [3, с.153].

Общество должно осознать, что духовно-нравственное становление нового поколения –

важнейшее условие дальнейшего развития России. В этом осознании есть потребность и необходимость использовать идейный багаж, накопленный в нашей культуре, в частности в русской философии. Идеи русских мыслителей показывают, что социальная и экономическая реальность должна быть осмыслена, прежде всего, категориями ценностного смысла. В таком понимании идеи предстают как духовно-нравственные ориентиры всех последующих действий в процессе воспитания и образования, в процессе жизни нашего народа.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Н.А. Бердяев. Судьба России. М., 1998.
2. Ильин И.А. Частная собственность // И.А. Ильин. Путь к очевидности. М.; 1993.
3. Мещангина Е.И. Основные проблемы воспитания студентов в системе высшего образования (1990-2000 гг.) / Е.И. Мещангина // Теория и практика общественного развития. 2013. №3.
4. Степун Ф.А. Мысли о России // Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). - СПб. СП «Ганза», 1993.
5. Струве П.Б. Россия // Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). - СПб. СП «Ганза», 1993.
6. Франк С.Л. Собственность и социализм Россия // Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). - СПб. СП «Ганза», 1993.
7. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. // Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). - СПб. СП «Ганза», 1993.

Массовое сознание в философии Э. Фромма

к.ф.н. доц. Вильчинская Л.З.
Университет машиностроения
yulia_golovko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается концепция массового сознания Эриха Фромма. Проанализирован феномен деструктивности в современном западном обществе. Проводится сравнение позиции Э.Фромма и других представителей психоаналитической философии.

Ключевые слова: масса, массовое сознание, деструктивность, гуманизация, мегамашина, цивилизация.

Во многих антропологических теориях давно были поставлены проблемы массового сознания, и эти проблемы становятся все более актуальными. Понятия «масса» и «массовое сознание» рассматриваются с разных точек зрения. Так, Д. Белл обратил внимание на то, что они трактуются относительно множества людей, принадлежащих, например, классу, и как аудитория средств массовой информации, ставшая автоматизированной, не имеющая ни традиции, ни собственного мнения, как «синоним невежества» (выражение Ортеги-и-Гассета). С точки зрения других философов, масса – это механизированное множество и дегуманизированный элемент общества. М. Вебер увидел в этом явлении людей из управленческих слоев, полностью подчиненных и потерявших поэтому самоуважение и находящихся в состоянии страха и неудовлетворительности. Г. Лебон определял массу как толпу, в которой люди проявляют себя в форме массового психоза и действуют на основе инстинктов.

В этих и других подобных характеристиках массы и массового сознания содержится негативный оттенок. Многие мыслители XX века, создавшие концепции массового человека, увидели в нем источник угрозы существованию современного общества и самого человека.

Наиболее глубоко и всесторонне подошел к исследованию этих проблем Эрих Фромм, который также обнаружил феномен разрушительности, деструктивность в массовом сознании как парадоксальную философскую антропологическую проблему. В его работах очень глубоко и всесторонне рассмотрены вопросы, связанные с сущностью человека. Фромм обнаруживает в массовом человеке не только негативные моменты, но и способность изме-